

Святитель Феофан ЗАТВОРНИК

О православии с предостережениями от погрешений против него

<Фрагменты>

В ЧЕМ ПРАВОСЛАВИЕ, И КАК БЛЮСТИ И ПОДДЕРЖИВАТЬ ЕГО¹

Возвестите трубным гласом во всей земле вашей... и освятите лето, пятидесятое лето. — Так заповедал Господь чрез Моисея сыновьям Израилевым (Лев. 25: 10)! — Ныне совершилось пятидесятилетие сего святилища духовного просвещения². И вот не по шумному гласу трубы, а по влечению духа любви и признательности, собрались мы ныне сюда все, чтобы освятить день сей благодарственным Господу Богу молением и изъявлением взаимного сорадования и соутешения. Так — благодарение Господу, вложившему мысль и благословившему труды, — учредить и воздвигнуть сие заведение, и хранящему его доселе во благо нам! — Благодарение и всем избранным орудиям Его благого о нас попечения: благодарение в Бозе почившим Государям Императорам — *Александру Благословенному* * и *Николаю Первому* *, с молитвою о упокоении душ их! — Благодарение и ныне благополучно царствующему Благочестивейшему Государю Императору *Александру Николаевичу* *, изливающему и на нас свои милости! — Благодарение Святейшему Правительствующему Синоду, отечески пекущемуся о всем, касающемся нас! Благодарение всем благодетельствовавшим и благодетельствующим нам, всем трудившимся и трудящимся ради нас, всем желающим нам добра и сорадующимся ему!

Все мы глубоко сознаем, как достойно и праведно такое благодарение. Потому излишне было бы изображать или возбуждать сии чувства. И что можно сказать в сем отношении, чего всякий не знал и не чувствовал бы сильнее всякого слова?

Но, братие и отцы, не одному сердцу пища — празднество наше. В нем есть и урок нам. В Ветхом Завете, при узаконении освящения пятидесятого лета, после: *вострубите, освятите* — присовокуплено:

и да отыдет кийждо в притяжение свое, и кийждо во отечество свое отыдите (Лев. 25: 10). То есть там пятидесятое лето было временем уравнивания прав собственности и личной свободы, или восстановлением предначертанного и учрежденного прежде порядка, подвергшегося изменениям по каким-либо случайностям, — следовательно, временем суда и расправы: разбирали прошедшее и заготовляли течение дел на будущее. Не то же ли должно сделать и нам? — Да! — И нам надобно просмотреть свое прошедшее, чтобы видеть, не возмущен ли там каким-нибудь образом предначертанный нам порядок учений, и обратиться к будущему, чтобы заблаговременно приготовиться как должно встретить то, что имеем там встретить. — Сделаем же это!

Обращаясь к прошедшему, обыкновенно спрашивают: что сделано? и в отношении к учению, какие сделаны новые открытия, новые усовершенствования, новые изменения в направлении и прочее? — Что мы найдем в своем прошедшем? — Не видим ничего особенного. Все одно и то же, как в начале, так и теперь. Малые изменения во внешнем, конечно, никто не станет считать чем-нибудь значительным, стоящим занять внимание. — Что же это? — Застой? — Да, часто слышится это слово, без разбора обращаемое нам в укор. — Единственный, может быть, укор, которым может хвалиться укоряемый! — Ибо в учениях человеческих то и слава науке, когда она поновляется от времени до времени, и в повторяющихся поновлениях представляет движение к лучшему, совершеннейшему, к своему образцовому размеру и развитию. Там такая изменчивость, может быть, добрый признак, — по крайней мере, неизбежный удел. Не то в учении, главным образом преподаваемом здесь и нас характеризующем. Как учение Божественное, оно должно всегда пребывать единым и неизменным, как неизменен и вечен Сам Бог. И для нас было бы страшным обличением, если бы в своем прошедшем мы могли указать какие-нибудь изменения в учении, хотя бы то под пышным титлом совершенствования и развития; а то, что оно и теперь неизменно таково же, каково было за пятьдесят лет, не укора, а одобрения достойно. Ему и должно пребыть таким, каково было не только за эти пятьдесят лет, но и за десятки других пятидесятилетий, — до самих Апостолов и Господа нашего Иисуса Христа. — Прибавлениями, изменениями, развитием могут хвалиться другие общества христианские, отпадшие от единения с истинною Церковью Божиею. Они и отпали по случаю изменений в учении, — и изменчивость стала существенно их чертою. — Они и пусть — не к чести своей — хвалятся новизнами! Пусть хвалятся паписты³, вымыслившие центр единства и потерявшие истинную точку опоры, — пусть хвалятся

и меряют тем свою жизненность, если можно хвалиться излишними наростами или струпами, безобразящими тело, как безобразит его, например, двуглавие, шестиперстие, горбатость! Пусть хвалятся протестанты, непостоянные, как ветер, и неустойчивые, как волны моря, — со своею ложною и никогда не бывалою свободою совести и убеждений, в последних выводах своих дошедшие до всебожия и безбожия!⁴ — Так, — они пусть хвалятся; нам же да не будет хвалиться, разве ревностию — таковым же и хранить наше учение, каково оно было вначале, — в похвалу Церкви Божией в день Христов, — страшась грозного суда, изреченного Апостолом: *еще мы, или Ангел с небес благовестит вам паче* (не сказал: противное, но — паче, т. е. что-нибудь еще, кроме благовестованного, что-нибудь более того) *еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал. 1: 8).

<...>

Человеческие учения все стремятся к новому, растут, развиваются, — и естественно; ибо они не имеют истины, а только ищут ее. И пусть ищут, если только найдут что прочное. Для нас и истины, и пути к истине определены однажды навсегда. Мы обладаем истиною, и весь труд у нас обращается на усвоение, а не на открытие ее. — Там стало законом: вперед, вперед! — А относительно нашего учения свыше изречено: *стойте... неподвижни пребывайте*. — Если что остается нам, то только *утверждаться* и утверждать других. — В этом отношении и нашему учению свойственно движение — расширение; но не в области истины, а в области обладаемых истиною и покорных ей. Наш долг всякому новому поколению среди нас сообщать и внушать истину Божию, народы, не ведущие ее, просвещать проповедью о ней, паче же всего хранить неприкосновенною истину Божию в сердцах всех находящихся в ограде Церкви Божией. — И вот здесь, соответственно времени, могут быть свои особые труды, к которым надобно готовить учащихся и приглашать учившихся.

Да, братие и отцы, наше дело прозревать и предугадывать ухищрения духа лжи и противопоставлять его козням сильный и действенный отпор. Со времени явления Господа на земле, дух лжи не перестает восставать на истину и враждебно покушается подавить ее, видоизменяя способы и приемы, и неизменным оставаясь только в коварстве и лукавстве. — После разнообразных ересей он изобрел на Западе центр единства⁵, и с помощью его, прямо и косвенно, расплодил там множество зловредных учений, которые совсем почти заслонили собою истину, изнемогающую в борьбе с ними, потому что к ней самой примешана часть лжи, обессилившая ее. Оттого Европа, опередившая нас в некоторых отношениях, сильно страдает

лжеверием, неверием и индифферентизмом⁶. А между тем у нас только Европа и восхваляется, — и вот целыми кораблями везут к нам оттуда вместе с добром и полчища врагов истины (вещи, лица, книги), которым трудно найти приличное имя, между которыми можно, однако ж, различить как бы два неприятельских стана: папизм и вольномыслие (как будто противоположности, а между тем это отец и исчадие его)⁷. — Тайными путями входят они в область нашу, в надежде на верный успех. Для нас лично не страшны, конечно, ни паутинные сети этого общества отщепенцев-папистов⁸, ни призрачная лесть суемудрия, прикрытая личиною здравомыия и ратующая во имя свободы убеждения; но нам не себя только спасти, а стадо Христово ограждать должно. А тут домашний враг⁹, состоящий в заговоре с врагами внешними и подготовляющий им дорогу — разъединение паствы с пастырями, не зная как образовавшееся, но начавшее высказываться уже печатно — с одной стороны, — и все более и более расширяющееся развитие стихий духа мирского, противного духу Христову, — с другой. Все это вы знаете, братие и отцы; верно, болит о том душою и горите готовностью противодействовать врагам. Я только пользуюсь случаем одновременно огласить слух всех, чтобы всех соединить в одну мысль и одну решимость деятельно спасти святую веру и все, что утверждается на вере. По крайней мере, вы видите, что предлежит нам делать впереди, к какой именно борьбе надобно готовить учащих и к каким трудам пригласить учившихся.

Ни для кого не тайна, что наше время есть время какого-то брожения, похожего на разложение (химическое) стихий в вещественном мире. — Но как последнее всегда, говорят, сопровождается своего рода соединениями, малозаметными под видимыми нестройными движениями стихий; так своего рода соединения духовные должны происходить и ныне среди нас. Только какого они рода?! — Господь, пришедши на землю, произвел спасительное разъединение крепкого в единомыслии лукавства мира. Вверженный Им на землю огонь Божественной жизни, отревая¹⁰ чувственность и самость и привлекая к себе дух человека, из сего совокупления образовал духовное царство Божие, Св. Церковь, хранимую им доселе и в нас, и среди нас. Что же это делается ныне?! — Не огонь ли, из бездны исторгающийся, снова распалает самость и чувственность, чтобы погасить дух, возженный вначале? — Если так, то ведь нам, братие, вверено хранить огонь Божий неугасимым в святилище Божиим. Подвигнем же к этому свою ревность!

Настоящее положение дел не есть неожиданность. Его во всей подробности предвидел св. апостол Павел и тогда же прописал в лице

ап. Тимофея наставление, как и что должно делать преемникам их в подобных случаях.

«Сие же веждь, — *говорит он св. Тимофею*, — яко в последние дни настанут времена люта. Будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горды, хульницы, родителям противящийся... нелюбовни, непримирительны... невоздержницы... предателе... сластолюбцы паче, нежели боголюбцы, имущии образ благочестия, силы же его отвершийся... поныряющие в дома и пlyingиющие женцица... *Не так ли это теперь?* — Всегда учаща ся, и николиже в разум истины прийти могуция. Якоже Ианний и Иамврий противистася Моисею, тако и сии противляются истины, человецы растлинни умом, и неискусни о вере... (2 Тим. 3: 1–8). Будет время, егда здравого учения не послушают, но по своих похотех изберут себе учителя, чешими слухом: и от истины слух отвратят, и к баснем уклонятся (2 Тим. 4: 3–4). — *Не то ли делается ныне?*»

Что же делать ревнителю истины в подобных обстоятельствах? — Вот что!

«Ты же трезвися о всем, зло постражди, дело сотвори благовестника, служение твое известно сотвори... (— 4: 5). Непостыдися страстию Господа нашего Иисуса Христа... но спостражди благовествованию Христову по силе Бога, спасшего нас и призвавшего званием святым... Образ имей здравых словес, их же от мене слышал еси... (— 1: 8–9, 13). Проповедуй слово, настой благовременне и безвремени, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением (— 4: 2)».

Итак, воспроповедуем братие, в храмах и домах, в общих собраниях и частных беседах, устно, письменно, печатно. Да будем трубами, непрестанно гласящими, но внятными. Бросим разделение, тайно проходящее, в рядах наших; составим братский союз, сосредоточим силы, устремим их все на одно. Истина сама за себя стоит; огласим ею слух всех, и она сама привлечет, как предуведе Отец наш небесный. Только поведем сие дело так, чтобы никто не мог сказать нам по правде, *врачу, исцелися сам*.

Так вот к какому уроку привело нас наше празднество. И естественно. Наше заведение приготовляет пастырей и наставников для пастырей. Следовательно, наше торжество есть торжество пастырства не в видимом блеске без силы и не во внешних преимуществах, а во внутренней силе их слова над душами пасомых, когда всякий пастырь может сказать: овцы гласа моего слушают, т. е. свой ум и волю покоряют его слову, свои понятия слагают по его учению, свою жизнь устрояют по его советам и свои сомнения решают его вразумлениями. А всего этого как достигнуть? Не иначе как чрез проповедь слова; ибо у нас одно это орудие.

Возьмите во внимание еще одно обстоятельство. Торжество наше совпало с таким временем, когда овцы гласно начали восставать на пастырей. Что же значит наше торжество? — Последняя вспышка жизни или краска на лице умершего? Нет, — это призыв к тому, чтобы пастырство действительно явилось и стало торжествующим, — возревновало о сем торжестве, ему свойственном, — обнаруживающемся не во внешнем преобладании, а во внутренней власти над — душами, — это призыв к усиленной деятельности — стоять не за свои права (пусть возьмут все и оставят одну свободу не стесняясь говорить по-пастырски), а за дело Божие, вверенное нам, — дело хранения и распространения истины Божией на земле, силою слова, немолчно проповедуемого. Мы — свет мира: будем светить. Мы — соль: да не обуяем!¹¹ Аминь!

